

Тяжёлая загорелая рука с силой сжала правую кисть Е Минчжао. Заметив, как тот поморщился от боли и тихо ахнул, Чу Хэнъи бесстрастно разжал пальцы:

— Похоже, ты не так уж рад меня видеть, как говоришь.

Е Минчжао, сохраняя на лице безупречно вежливую улыбку, убрал чуть покрасневшую и даже начавшую синеть правую руку за спину. Но при всеобщем внимании, как бы небрежно он ни старался это сделать, каждый увидел его руку.

Чу Хэнъи недоверчиво уставился на стремительно опухшую кисть. Если бы он не знал, что она запросто может раздавить кофейную чашку, он бы и сам подумал, что перестарался!

Председатель Е и госпожа Е одновременно нахмурились. Старший господин Е не сдержался:

— Чжао—Чжао — приёмный сын, которого папа с мамой взяли из детдома после того, как ты потерялся. Он не нашей крови, но живёт с нами столько лет, и уже давно стал членом семьи. Минъи, я надеюсь, ты...

Лицо Чу Хэнъи оставалось бесстрастным, он перебил Е Минчэня — жёстко и сухо:

— Меня зовут Чу Хэнъи!

Е Минчэнь поперхнулся, а госпожа Е поспешно вмешалась:

— Неважно, как тебя зовут, главное — что ты вернулся.

На глаза у неё навернулись слёзы, она шагнула к Чу Хэнъи, хотела обнять его, но не посмела, так и застыла на месте, бормоча:

— Как же ты жил все эти годы?

Лицо Чу Хэнъи не дрогнуло. Его взгляд медленно скользнул по лицам членов семьи Е и остановился на глазах Е Минчжао — двух чёрных, как тушь, бездонных омут. Эти глаза были такими же яркими и глубокими, какими он их запомнил. И неважно, какой ясной и тёплой была улыбка на лице — она не могла рассеять эту густую черноту. Как и в сердце этого человека.

Заметив во взгляде Чу Хэнъи ничем не прикрытую ледяную враждебность, Е Минчжао улыбнулся ещё шире и снова сделал шаг к примирению:

— Мама приготовила целый стол, чтобы отметить твоё возвращение. Она много лет не стояла у

плиты, так что мы все должны быть тебе благодарны.

Госпожа Е тут же подхватила:

— Да! Я сама всё приготовила, всё, что ты любил в детстве. Не знаю, понравится ли тебе сейчас. Иди попробуй скорее.

А затем, понизив голос, велела Е Минчжао побыстрее сходить натереть руку мазью:

— Смотри, как бы не остался синяк.

На лицо Чу Хэнъи набежала тень. Он ещё раз взглянул на руку Е Минчжао — распухшую до неприличия. На белоснежной коже отчётливо проступали фиолетовые полосы — следы пальцев. Картина была точно как с кадра о жестоком обращении.

При таком раскладе, сколько бы Чу Хэнъи ни объяснял, что их силы были равны, ему никто бы не поверил.

«Как у него может быть такая кожа — малейшее прикосновение, и уже синяк?!»

Чу Хэнъи нахмурился ещё сильнее и незаметно сжал слегка онемевшую правую руку. Его и без того суровое выражение лица стало ещё более зловещим.

Старший господин Е глубоко вздохнул, взял Е Минчжао за руку и тихо сказал:

— Я помогу тебе натереть руку.

Е Минчжао незаметно спрятал распухшую кисть в рукав и тепло улыбнулся:

— Всё нормально. Совсем не больно, просто выглядит страшно. Я с детства такой — чуть прикоснись, и уже синяк. Вы же знаете.

Семья Е, конечно, знала об этой его особенности. Но знать — одно, а видеть собственными глазами, как рука распухает на глазах, — совсем другое.

Чу Хэнъи холодно наблюдал за этим зрелищем. Лицо его становилось всё мрачнее. Он ничего не сказал, позволив госпоже Е взять его под руку и подвести к столу.

— Всё это я приготовила своими руками, — говорила госпожа Е. — Вот твоя любимая яичная запеканка на пару, кукуруза с кедровыми орешками, тыквенные фрикадельки с креветками, манговый пудинг с молоком, каша из проса и горного ямса...

Голос её дрогнул, глаза покраснели.

Чу Хэнъи похитили в три года. В три года ребёнок много чего не ест. Госпожа Е готовила по тем далёким детским предпочтениям — еду для малышей. Но разве может взрослый мужчина в двадцать лет иметь те же вкусы, что в три?

Она пропустила восемнадцать самых важных лет в жизни сына.

И всё это из-за проклятых похитителей.

Внезапно в голове госпожи Е всплыли слова Е Минчжао:

— Если бы тогда, когда Чу нашли ребёнка, они сразу заявили в полицию, возможно...

Возможно, они не разлучились бы так надолго. Она бы видела, как сын растёт, воспитывала бы его, заботилась. Он бы не бросил школу после окончания средней и не пошёл работать в шестнадцать лет.

Тихие всхлипы госпожи Е достигли ушей Чу Хэнъи, и в его холодном взгляде мелькнула едва заметная трещина. Но в следующий миг он снова стал ледяным и твёрдым.

Чу Хэнъи прекрасно знал: нынешнее раскаяние госпожи Е — всего лишь иллюзия. В конце концов Е Минчжао снова обведёт её вокруг пальца, и она безоговорочно встанет на его сторону.

Глядя на напряжённую спину Чу Хэнъи, Е Минчжао прищурился, и глаза его изогнулись в улыбке.

В книге говорилось, что после перерождения Чу Хэнъи остаётся глух ко всем попыткам семьи Е наладить отношения. Но судя по тому, что он видел сейчас, Чу Хэнъи вовсе не был безучастен.

Председатель Е, глядя на сияющую улыбку Е Минчжао, вздохнул. Его взгляд упал на руку мальчика, обработанную мазью, и он мягко произнёс:

— Ты пострадал. Минъи только что вернулся, ему ещё трудно привыкнуть.

— Я не пострадал, — покачал головой Е Минчжао, кротко добавив: — Я понимаю, почему брат Минъи меня невзлюбил. Он, наверное, очень дорожит семьёй, потому и недоволен мной.

Услышав эти слова, все улыбнулись. Старший господин Е передал аптечку домработнице Ван

и, не сдержавшись, рассмеялся:

— А я говорил, что наш Чжао—Чжао самый чуткий.

<http://bllate.org/book/17986/1733116>